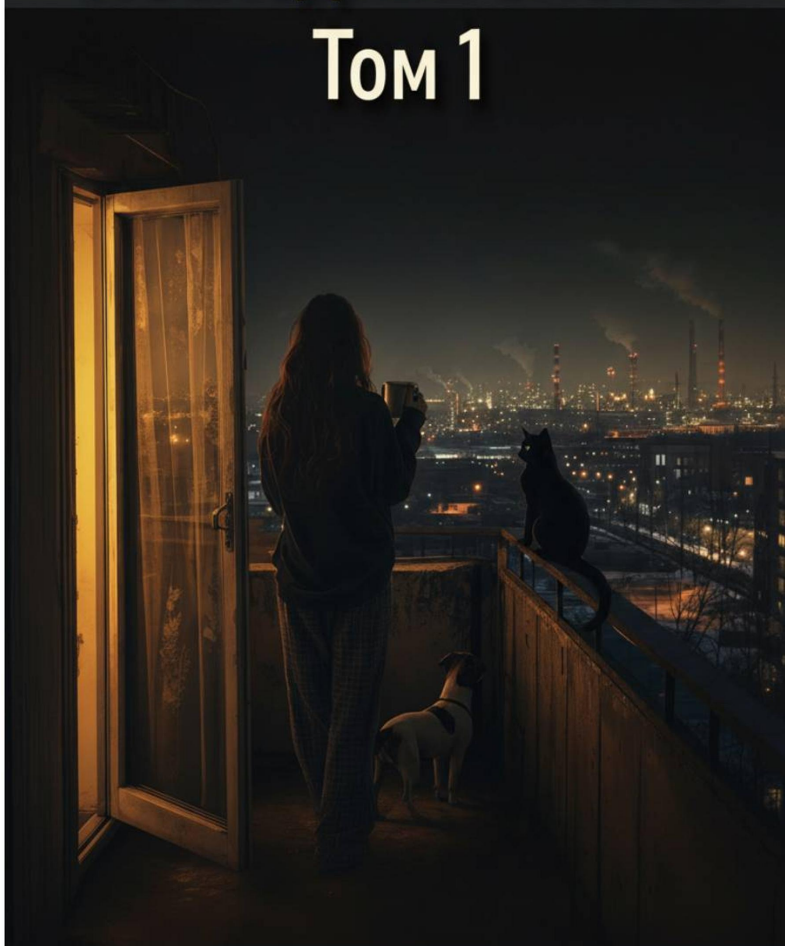

Последняя смена.

Том 1

Андрей Кобелев

Андрей Кобелев

Проходчица.

Последняя смена. Том 1

<https://litres.ru/73855273>

SelfPub; 2026

Аннотация

Александра Ковальчук — проходчица. Она одна из очень немногих, кто способен проходить сквозь завесу миров и погружаться в Лимб, возникший во время Великой войны.

Она живёт в Новограде и, будучи связанная контрактом, который она не может разорвать, вынуждена погружаться в карманы Лимба, в которых демонические сущности паразитируют на ничего не подозревающих людях.

Она немного цинична и ко всему относится с лёгкой иронией, но это всего лишь защита, и единственное, что её продолжает удерживать в здравом уме — жизнерадостный пёсик Майло и позволяющая себя любить кошка Азатот. И, конечно, кофе на балконе. А помогать ей будут её родной дядя и бывший военный, а ныне полицейский, Алексей. И... демон. Хранитель её контракта и по совместительству... не будем пока об этом.

Городское фэнтези о проходчице, которая старается, чтобы мрак оставался уютным, а не безнадежным.

Содержание

Глава 1. Брифинг в Лимбе	4
Глава 2. Утро. Балкон. Кофе	18
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Кобелев

Проходчица.

Последняя смена. Том 1

Глава 1. Брифинг в Лимбе

Мне снится Волга.

Не та, настоящая, где ветер заигрывает с твоими волосами и приносит запахи бензина, рыбы и тёплой речной влаги. А глянцева, туристическая версия, которую создавали не люди, а какой-то перфекционист с манией контроля за каждой малейшей деталью.

Ночная набережная — как с рекламного билборда: ровная брусчатка без малейших дефектов, подсветка вдоль парапета, аккуратные металлические перила без каких-либо следов. Вода — густая и почти чёрная, как пережаренный кофе, только вместо горечи в нос бьёт стерильная пустота. По ту сторону реки тянется гирлянда огней — ни одного перегоревшего фонаря, ни одной моргающей вывески аптеки.

Мост дальше по течению выгибается дугой, подсвеченной мягким золотистым светом. Над всем этим висит закат, который не имеет права быть над ночным городом: большие облака, подкрашенные сиреневым и оранжевым, нависают над

горизонтом, хотя по часам давно должно быть темно.

Слишком красиво, чтобы быть правдой. Слишком аккуратно, чтобы быть сном.

Я стою у перил, пальцы лежат на тёплом металле. Ощущения — не честные. Летом перила в Новограде липнут к ладоням пылью и памятью сотен чужих рук, зимой к ним прирастаешь пальцами, или как в детстве — языком. Здесь — гладко, как стекло. Ни одной зазубрины, ни одной ржавой точки. И главное — тишина. Ни машин на продольной, ни подростков с колонками на жутко тарахтящих мопедах, ни собак, которые носятся по кустам, гоняя пакеты или сорясь за какие-то объедки или территорию.

Город замер. Дышит, но молчит.

В реальности в это же время на набережной кто-то обязательно смеётся, кто-то спорит о футболе, кто-то ругает самокатчиков, а кто-то играет в первую любовь, засиживаясь до утра, не замечая времени и окружающего мира.

Иногда я сижу в маленьком кафе чуть дальше по набережной, пью кофе и смотрю, как люди куда-то спешат, даже когда в этом нет необходимости.

Здесь — никого.

— Ты опять поменял обои, — говорю я, не оборачиваясь.

— Я стараюсь, — отвечает он.

Голос — бархат в темноте, привычный до обидного. Из тех, от которых по позвоночнику бегут мурашки, а потом всю неделю стыдно.

Рядом, в метре от меня, мягко шуршит ткань. Он никогда не «появляется» с хлопком, вспышками и дымом. Не вываливается из портала. Просто в какой-то момент ты понимаешь, что рядом — Он.

Я поворачиваю голову.

Он всегда появляется передо мной в одном и том же образе, который выбрал уже давно. Лет тридцати пяти: высокий, широкоплечий, с пронзительными голубыми глазами и тонким чёрным ободком по краю радужки. Меняются лишь детали — причёска, одежда, растительность на лице.

Сегодня он одет во что-то простое, но элегантное, с причудливой вышивкой в восточном стиле — видимо, добрался наконец до «Великолепного века», который я ему уже год как расхваливаю. Длинный серый кафтан почти до пят с тёмным орнаментом — красиво, чёрт бы его побрал.

Тёмные волосы собраны на затылке, высокий ворот растёгнут, как будто ему тоже жарко в этом тщательно отретушированном аду. Лицо красивое, с небольшой аккуратной бородкой в стиле того самого Сулеймана из первого сезона. Я, конечно, не говорила ему, что именно этот образ у меня засел в голове. Но, похоже, кто-то посмотрел не только сериал, но и мои закладки в телефоне.

За его спиной нагло цветёт сакура. В нашем-то Новограде, который и без японских декораций умеет быть красивым.

— Сакура — это уже перебор, — хмыкаю я. — У нас свои набережные, свои закаты. Зачем ещё чужие деревья таскать?

— Ты любила её на картинках, — он пожимает плечами.

— Я запомнил.

Говорит так, будто это что-то естественное — помнить, что я в шестнадцать лет зависала в пабlike с чужими весенними садами. Как будто демоны ведут дневники вкусов своих подопечных.

— Ты меня подслушиваешь. Подглядываешь. Подсматриваешь, — перечисляю я. — Нездоровая привязанность.

— Я назову это внимательностью к сотруднице, — мягко поправляет он.

Его рука скользит по перилам и останавливается рядом с моей. Не касается — просто лежит на расстоянии одного неосторожного движения. Он очень любит такие игры на грани.

Я отворачиваюсь к реке.

— Хорошо, Лука. В чём подвох? — Спрашиваю. — Ты же не таскаешь меня к сакуре просто полюбоваться закатом.

— Почему же не таскаю, — он чуть наклоняет голову. — Но ты права. Дело есть.

Он вытягивает ладонь вперёд, как фокусник. В воздухе над чёрной гладью дрожит тусклый прямоугольник, как старый монитор. Мерцает, настраивается, собирается в картинку.

Сначала — крыша. Бетонная, с ржавыми перилами и покосившейся антенной. Даже в его тщательно подогнанной картинке оттуда тянет холодом. Я почти чувствую этот ветер

на коже — пронизывающий, въедливый, заводской.

На краю крыши стоит пацан. Лет пятнадцать–шестнадцать, худой, в дешёвой чёрной куртке. Кеды залеплены грязью, пальцы белеют на ржавой трубе. Лицо не видно под капюшоном натянутом до самого носа.

Я знаю этот завод. Не по этому мальчишке — по фону. Выцветшие кирпичные корпуса, пятна ржавчины, заросшие травой железнодорожные пути, уходящие в никуда. Трубы, которым пора в музей промышленной археологии, а не в небо.

Заводской. Южный промышленный район. Тот самый «конец города», тот самый завод, куда сваливают всё, что жалко списать, но некуда деть. И технику, и людей.

— Промка, — бурчу я. — Конечно.

Пацан делает шаг вперёд. У меня мышцы сами дёргаются, как будто я могу сейчас крикнуть и что-то изменить. Но видение — это запись, а не прямой эфир.

Ноги срываются с кромки. Тело нелепо машет руками — на долю секунды — потом летит вниз, в серую пустоту двора. В груди неприятно сжимается. Не от самого падения — от того, как прожёвано это ощущение.

Картинка дёргается.

Теперь — цех. Длинный, тёмный, с рядами станков. Половина — законсервирована, накрыта пыльными брезентами. Где-то в глубине мигает одинокая лампа, под ней — сторож с фонариком.

Он идёт вдоль ряда, шлёпает по бетону выдавшими виды тапками, ворчит себе под нос: про пацанов — «малолетние придурки», про начальство, про жизнь. Обычный мужик неопределённого возраста «за пятьдесят», которых в этом городе тысячи.

Он поднимается на, выдавшую долгие года, лестницу, поднимается по ней примерно на середину между полом и потолком.

Тень скользит за его спиной, выше, по кран-балке. Сначала — как игра света от фонаря. Потом тень перестаёт быть плоской.

Что-то длинное, вытянутое, с перекошенными суставами, висит на балке, как сорванный манекен, и тянет вниз тонкие, острые кисти. Лицо рвётся на части, сотканное из чужих криков.

Сторож оборачивается, но не успевает. Нога срывается на пятне масла, тело валится набок, фонарик летит, луч дёргается по стенам, выхватывая перекошенный рот, и потом — удар. Шея ломается с сухим, нелепым хрустом.

Картинка гаснет.

Некоторое время мы молчим. Река тихо шуршит. Сакура сыплет лепестки в воду. Ветер, конечно, не дует — но лепестки всё равно падают. Идеальная симуляция весны. Будто в Симсе город моделировал.

— Это всё один карман? — спрашиваю.

Он кивает.

— Растёт. Несколько лет он был тихим, почти беззвучным. Мелкая дрожь на границе. Обычный побочный продукт. Теперь — он двигает пальцами, и в воздухе вспыхивают ещё кадры: статистика, перечёркнутые даты, списки аварий. — Теперь он ест быстрее, чем город успеваешь забывать.

Я чувствую, как в животе холодеет. Этого завода и без мистики боятся. «Проклятый», «чёрная дыра», «кто туда идёт — тот без головы возвращается». Обычно это фигура речи. Обычно.

— Кто? — уточняю. — Ренегат? Старый? Новый?

— Ни то, ни другое, — Лука слегка хмурится. — Здесь он не один, но главный — тот, кто собирает жизни. Падает всё, что может: металлоконструкции, люди. Несчастные случаи плодятся как небезызвестные кролики. Он оброс чужими смертями, впитывает их как губка.

— Ненавижу такие метафоры, — морщусь.

— Это не метафора, — спокойно говорит он. — Это приговор.

Он отворачивается к реке. Профиль — спокойный, красивый, если забыть, кто перед тобой. Никаких рожек, никаких копыт, никакого красного свечения глаз. Обычный мужчина в сером кафтане. Японская сакура, турецкий кафтан и любимый город — какая безвкусица. Надеюсь, в следующий раз ты будешь стараться лучше.

— И чего ты от меня хочешь? — спрашиваю. — Конкретно. Без поэзии.

— Сходи туда, — он поворачивается ко мне. — Как ты умеешь. Как журналистка. Собери слухи, факты, истории. Почувствуй, где граница. Где тонко, где уже рвётся. Я слышу карман отсюда, но не вижу улиц. Ты — видишь.

— И что потом? — уточняю. Мы играем в этот диалог каждый раз. Я спрашиваю, хотя знаю ответ. Он отвечает, хотя знает, что я знаю.

— Всё как обычно, — голос становится мягче, — откроешь мне дверь. Я закреплю. Почищу. Верну ренегата в систему. И твой город вздохнёт чуть свободнее.

Он говорит «город» так, будто это тоже живое существо. В чём-то он прав. Мой город умеет и кашлять, и смеяться, и плакать. И у него правда бывает одышка.

Я сильнее опираюсь на перила, всматриваясь в воображаемый берег напротив. В нормальной жизни там горят окна девятиэтажек, мигает зелёный крест круглосуточной аптеки, светится вывеска маленькой кофейни с вкуснейшими блинчиками. По дороге бегут запоздалые такси, молодёжь о чём-то спорит у остановки, а где-то на лавочке у сквера бабульки обсуждают соседей или очередной сериал про несправедливость и любовь «вопреки».

Здесь — ровная линия огней, как по линейке.

— Сколько им уже? — спрашиваю. — Этому заводу. Этому карману.

— Заводу? — он пожимает плечами. — Достаточно, чтобы перепрофилироваться трижды и ни разу не довести до

ума. Карману — глаза темнеют, будто в них подлили чернил. — Лет десять. Цепочка аварий, падения, суициды. Тогда я был занят другими дырами. Кто-то вырвался, укрепился, научился заигрывать с реальностью напрямую.

— То есть ты опять кое-что прохлопал? — сладко уточняю.

Он смотрит на меня. Не обижается. Он вообще не обижается по-человечески. Просто фиксирует мои уколы, как врач фиксирует симптомы.

— Я не вездесущ, — спокойно напоминает он. — В отличие от некоторых твоих ожиданий. И да, иногда что-то ускользает. Поэтому у меня есть ты.

Слово «ты» он произносит так, будто пробует его на вкус. Смакует.

— У тебя нет меня, — огрызаюсь. — У тебя есть договор.

— У меня есть и договор, и ты, — мягко парирует он.

Его пальцы двигаются — и вот уже рука лежит поверх моей. Тёплая. Весомая. Не сжимает, не держит. Просто лежит. Как будто мы вышли погулять по набережной после тяжёлого дня и строим планы на ближайший отпуск.

Я делаю вид, что меня это не трогает. Отвожу взгляд в сторону — на сакуру. Лепестки падают на воду и не тонут.

— Ты устала, — констатирует он. — У тебя новые круги под глазами. Желудок ноет. Опять весь день на кофе и печенье?

— Следишь за моим питанием? — Фыркаю. — Это уже

выходит за рамки Трудового кодекса,

— Ты — ресурс, — спокойно отвечает он. — Дорогой. Я берегу то, что мне дорого.

От этой фразы под рёбрами что-то болезненно дёргается. Ненавижу, когда он так говорит. Ненавижу, что это звучит искренне.

— Ты мог позвать кого-то ещё, — выдыхаю. — Какого-нибудь другого проходчика. Не одну же меня ты пометил на этой территории.

Он чуть улыбается. Глаза при этом остаются серьёзными.

— Ты знаешь ответ.

Знаю. Проходчиков мало. Ещё меньше тех, кто не сходит с ума после первых трёх карманов. А из тех, кто выжил Система выбирает специфических. Таких, у кого внутри уже есть трещины. Таких, которые расплачиваются за чужую неосмотрительность матерей.

Я сжимаю челюсти, чтобы не выплюнуть всё, что думаю о материнском героизме и его последствиях.

— Не начинай, — тихо говорит он, будто заглядывает мне в голову. — Не сегодня. Не здесь.

— Тогда не тыкай в это, — отвечаю так же тихо.

Он замолкает. Потом легко меняет тему:

— Пацан с крыши был не первый. Ты это уже слышала, да?

— Слышала, — киваю. — И раньше на него жаловались. Больница, районные, бабки. Я не помню детали, но кое-что

по ощущениям отложилось. Все говорят одно и то же: «Этот завод притягивает беду».

— В этот раз они не ошибаются, — он чуть крепче прижимает ладонь к моей. — И, если мы не вмешаемся сейчас, через год это будет уже не завод. А район. Потом город. Потом

— Дальше по списку, — подхватываю. — Я знаю.

Никто не любит вспоминать, как это всё начиналось в Старограде. Город, который перегорел, но не рассыпался. Город, через который протащили столько смертей, что в обычное Чистилище они не влезли. Миру пришлось подвинуть Лимб ближе, как прилепленный пластырь к зияющей ране.

Я родилась уже после. Но рана всё ещё там.

— Я очень устала от этого, — вырывается у меня.

Он смотрит на меня внимательно, как будто изучает очередную трещину в бетоне.

— Но больше некому, — говорит он. — Ты одна из немногих, кто чувствует границу. Ты умеешь туда входить и возвращаться. Потому что твоя мать сделала выбор, не зная, какую цену она заплатит, точнее — ты заплатишь, — и тем самым открыла тебя для этой работы. А потом ты сама пришла ко мне, когда он умирал — не забывай.

Слово «он» повисает между нами тяжёлым грузом. Я даже имени его не хочу слышать. Достаточно картинки: водительское кресло, вмятая передняя панель, кровь на стекле, мои руки, скользящие по холодной коже, и шёпот: «кто-ни-

будь, хоть кто-нибудь»

Кто-то откликнулся.

— Ты была очень убедительна, — тихо добавляет демон.
— Помнишь?

— Заткнись, — говорю.

Он замолкает. Его молчание не похоже на обиду. Скорее — на осторожность. Как будто он держит в руках что-то хрупкое.

Пару минут мы стоим молча. Где-то далеко, за пределами этого вылизанного лимба Новограда, реальные машины пролетают по мосту, кто-то спит в ночной маршрутке, кто-то заигрывает с уставшей продавщицей в круглосуточном. Здесь — идеальная откритка.

— Ладно, — наконец выдыхаю я. — Завод так завод. Схожу. Посмотрю. Пощупаю твою дырку.

— Формулировочки, Александра, — вздыхает он, но уголки губ чуть приподнимаются.

— Рабочие, — отрезаю. — Какие задания — такие и формулировки.

Он наклоняется чуть ближе. Не настолько, чтобы можно было обвинить его в навязчивости, но достаточно, чтобы тёплый, немного терпкий запах — не запах, конечно, иллюзия — коснулся кожи. Пахнет дымом от костра, который давно прогорел. Такой запах не скрыть никакими духами. Но можно удачно замаскировать — сегодня не получилось.

— Будь осторожна, — говорит он. — Карманы, которые

кормятся падениями, любят утащить с собой ещё кого-нибудь. Особенно тех, кто лезет посмотреть поближе.

— Это ты сейчас заботу изображаешь или просто ревнуешь к ренегату? — приподнимаю бровь.

— Я не хочу тебя потерять, — честно отвечает он. — Ты и так уже вся трещишь.

От этих слов хочется либо расхохотаться, либо ударить. Я выбираю третий вариант — отворачиваюсь к реке.

— У меня сегодня по плану: завод, бабки у подъезда, приёмное отделение районной поликлиники — перечисляю. — Может быть, ЖЭК, если совсем повезёт. Романтика, как ты любишь. Так что отпускаяй.

— Я никогда тебя не держу, — тихо говорит он. — Ты сама приходишь.

Вот тут меня действительно пробивает злость.

— Я прихожу, потому что, если этого не делать, твои прекрасные карманы сожрут мой родной город, — резко оборачиваюсь к нему. — Не путай зависимость системы от меня с моей личной привязанностью к тебе.

Он смотрит прямо, не отводя глаз. Потом едва заметно кивает, будто принимает поправку.

— Хорошо, — произносит. — Работа так работа.

Он убирает руку с моей ладони. Мир вокруг слегка дрожит, как картинка на старом телевизоре, когда пытаешься подстроить длину волны маленьким колёсиком. Я чувствую знакомую пустоту под ногами — не физическую, а ту самую,

когда реальность готовится выплюнуть тебя обратно.

— Саша, — успевает он сказать напоследок. — Когда будешь там Если станет совсем тонко — не геройствуй. Позови. Я помогу даже если придётся за это заплатить.

Я хочу сказать, что я не геройствую. Я просто делаю то, что никто больше не сделает. Но слова застревают в горле. В следующее мгновение набережная, сакура, река и он — всё размывается, складывается внутрь, как картинка в детском калейдоскопе.

Глава 2. Утро. Балкон. Кофе

Я просыпаюсь от противного звона будильника. Хотя о чём это я — все сигналы будильника априори противные.

Комната — моя, не приукрашенная никем: Ровные серые стены новостройки, с парой картин, которые я сама рисовала. Именно рисовала, а не писала. Писала я картину, что у меня висит на кухне, не такую большую, но не по номерам, с эскиза, масляными красками, а эти нарисованные. Я люблю картины по номерам, это достаточно медитативное занятие, и результат, обычно, удовлетворительный. На одной изображены две большие красивые рыбы, с яркими, даже пёстрыми хвостами, образующие знак Ин-Янь, а на второй — милая девчулька неопределённого возраста с дымящейся кружкой в руках. Хочется надеяться, что это кофе. Почему? Ответ прост — я его люблю. Искренне и беззаветно.

На прикроватном столике — раскрытый ноутбук, с погасшим экраном, неровная стопка книг, в которых Лавкрафт спорит с Кафкой о том, что страшнее — человек и его взаимоотношения с социумом или всё-таки неведомые фантастические твари.

За окном — приятное утро моего района, где отовсюду разносятся отдалённые, приглушённые голоса: кто-то собирает детей в школу или садик, кто-то заводит машину, кто-то выгуливает собак.

И где-то там, за чередой жилых кварталов и гаражей, — завод, который вышел из-под контроля и начал забирать людей.

Я выключаю будильник, и продолжаю лежать, растирая лицо ладонями.

— Доброе утро, Лариса, — бурчу я. — Включи мою любимую.

— Доброе утро и Вам, Александра, включаю вашу подборку «классика».

По квартире начинают разливаться мягкие клавиши органа и клавесина, струнные. В плейлист «классика», который я довольно долго собирала входят: немного музыки из фильмов, что-то из современной классики от авторов, которых я и запоминать не буду, но в основном это Шопен, Вивальди и отдельные композиции этнической музыки разных народов мира. Но сейчас, конечно же начинает играть первая позиция в плейлисте — Vivaldi: Nisi Dominus, мой любимый, сто двадцать шестой псалом в исполнении гениального Андреаса Шолля. Это что-то невероятное — никогда не перестану наслаждаться его ангельским голосом. Такая красота быстро выветривает из памяти противный «пи-пи-пи-пи» будильника — спасибо!

— Спасибо, Лариса! — благодарю её, глядя в потолок.

— Всегда пожалуйста, Александра, — отвечает квартира привычным голосом.

Я отрываюсь от подушки и понимаю, что в ногах тяжелее

чем должно быть. Это значит, что Азатот снова решила, что я — часть матраса.

— Азя, слезь.

Кошка открывает один жёлтозелёный глаз, смотрит на меня с тем самым выражением «ты уверена, что знаешь, что делаешь, смертная?», медленно поднимается, потягивается — как будто разминает не своё тело, а всю, созданную ей лично, вселенную, — и соизволяет переползти на тумбочку. Там уже стоит её миска. Пустая, как бюджет районной поликлиники.

— Поняла, — вздыхаю. — Мироздание голодно.

По дороге на кухню забираю с подоконника банку кошачьих консервов. Открываю, вываливаю в миску мягкий комок мяса и, не сдержавшись, театрально наклоняю голову:

— Я, как покорнейшая слуга великой и ужасной Азатот, смиренно прошу соизволения отведать сей скромный дар в виде мясных консервов. Искренне надеюсь, что они удовлетворят ваш безупречный вкус.

Азя молча нюхает содержимое, делает паузу, как истинный кулинарный критик, и только потом снисходительно приступает к еде. Хвост при этом демонстративно разворачивается мне в лицо.

— Жопа ленивая, — добавляю уже без торжественности.

Из коридора раздаётся быстрый цокот когтей. Джек-рассел по имени Майло влетает в кухню, как шаровая молния, радостно вертит задом и заявляет всем своим видом:

— Я тоже тут! Я тоже готов пробовать консервы! Можно мне тоже быть великим и ужасным? Или хотя бы просто ужасным?

— А вот и воплощение хаоса собственной персоной, — приветствую вечно жизнерадостного пёсика. — Также проголодался? Или соскучился?

Судя по поведению — и то, и другое. Неудивительно, он очень любвеобильный, а с той подвижностью, что он обладает от природы, ест он каждый раз как не в себя, и не толстеет. Мне бы так.

Накладываю ему в миску свежие консервы и подливаю водички из фильтра.

Потом срываюсь и иду на балкон.

Балкон — мой несертифицированный барбитурат. Одно из очень немногих мест, которые я искренне люблю, и которые для меня действительно что-то значат.

Я открываю дверь, выхожу босиком. Прохлада линолеума, лежащего прямо на голом бетоне, бодрит не хуже кофе. Вот за это я и люблю свой балкон и ни за что не буду стелить сюда коврики.

Даже сейчас, в июле, здесь хорошо. Окна выходят на запад, солнце сюда ещё не добралось, и на застеклённом балконе стоит та самая редкая для лета свежесть. Если бы не она — фиг бы кто меня поднял так рано. Ну, кроме Луки, конечно. Но он пользуется другими методами.

Я облакачиваюсь о перила и какое-то время просто стою,

дышу. Обожаю именно эти ранние моменты, когда летом ещё не жарко и воздух не пытается тебя сварить, а наоборот — гладит по коже.

Когда приходит время цветения весь двор пахнет сиренью. Иногда — свежескошенной травой. Это два моих официальных любимых запаха. Сирень, понятно, у многих в топе. А вот трава Именно та, что только что скошена и чуть полежала на солнышке, — мой личный фетиш.

Этот запах пробуждает воспоминания прямиком из детства: сеновал на втором этаже над какойто хозпостройкой у родственников, сено, которое колется под простынёй, наши с двоюродной сестрой ночёвки там. Сверчки, редкие, далёкие крики сов, глупые разговоры до рассвета. Никаких забот, никаких проблем. Только мечты о светлом будущем и сиюминутные маленькие радости.

Иногда я думаю, что тогда лимб тоже где-то был, просто никто мне ещё об этом не говорил. Но по утрам на балконе я предпочитаю делать вид, что есть только двор, свежий воздух и холодный пол под ногами. Ладно, хватит мечтать. Я так до вечера могу стоять.

А во дворе продолжается «жизнь города».

Мамочки в спортивных штанах и с хвостами гоняют детей по площадке:

— Дима, не виси на горке к верх ногами, я последний раз предупреждаю! — Соня, не ешь песок, детка, он же грязный Аа, ладно. Больше грязи — шире морда.

Подростки, или правильнее наверное — молодые люди, которые только проснулись уже курят и ведут важнейший диалог, на повышенных тонах, о том, какая из двух рэп-групп «рил топ», а кто «полный зашквар». Один из них, в чёрной толстовке, каждый раз косится в мою сторону, и не сильно это скрывает. С возрастом это проходит. Обычно. Не у всех.

Корги-генерал инспектирует кусты, старик в шапочке терпеливо стоит рядом, держа поводок. На лавочке у подъезда две бабки раскладывают по полочкам новости: какая сволочь из ЖЭКа опять не пришла, чья внучка связалась «с этим негодяем блогером», и почём нынче огурцы в ближайшем супермаркете.

С пятого этажа, как по расписанию, включает музыку с тяжёлым вкусом и лёгкой рукой. Сегодня — какойто старый поп-хит, который я помню по школьным дискотекам. Было время, когда под него кто-то клялся любить меня вечно и до гроба, неумело пытаюсь нащупать застёжку от лифчика.

Чуть позже он выбрал вечность с другой, но песня от этого хуже не стала.

Пару лет назад я всерьёз думала, что буду сидеть здесь с ним, спорить, чья очередь выносить мусор, ругаться, что он опять поставил кружки не туда, или носки разбросал. Что я буду орать из кухни: «Ты заберёшь ребёнка из садика?» и ворчать, что он учит детей плохой музыке. Что у нас будет нормальная семейная жизнь с нормальным городом на зад-

нем плане.

А потом я сидела здесь одна, пила холодный кофе по-ирландски, и читала сообщения: «Это не твоя вина. Дело не в тебе — дело во мне» И смеялась, потому что это звучало как «Я просто мудака, и не смог придумать оправдание поинтереснее».

Ладно. Пора идти «завтракать».

Завтракать. ЗавтраКать. Странное слово. Чем дольше его крутишь в голове, тем меньше оно похоже на нормальное. Почему именно «завтрак». Лариску перебивать не хочется, а телефон брать в руки ради погуглить точно нет — я пока «вне зоны доступа». Последние слова я почему-то подумала нараспев, песня что ли есть какая Соберись.

Я пару раз шепчу про себя:

— Завтракать. ЗавтраКать. Завтра как ты?

Мозг делает характерный щелчок: семантическое насыщение. Ещё чуть-чуть — и я всерьёз поверю, что такого слова никогда не было, и это я только что его придумала, стоя в своей кухне в любимой застиранной футболке.

— Сколько лишних мыслей по утрам, — сообщаю я пустому холодильнику. — Видимо, организм пытается оттянуть момент, когда ему придётся работать.

На кухне привычный хаос. Холодильник глухо вздыхает, как старый друг, который скучает, потому что в него редко заглядывают. Открываю дверцу. Осмотр стратегических запасов показывает: полпачки масла, одинокий йогурт, пару

огурцов, которые уже совсем поникли, и контейнер, содержимого которого я уже не помню, и сейчас точно не настроена на его исследование. Не сегодня. И конечно же — молоко. Много молока. Куда же без него.

— Так, выбор не велик: овсянка-сэр, или просто кофе, — озвучиваю меню.

Овсянка требует больше оптимизма, чем во мне сейчас есть. Кофе выигрывает по всем параметрам.

Наливаю воду в чайник, включаю. Пока он шумит, вытаскиваю из хлебницы батон, отрезаю два куска, засовываю в тостер. Щёлк — и мир становится чуть стабильнее. Вечные ритуалы спасают лучше любой магии.

Телефон лежит на столе и притворяется спящим, но я-то знаю — он затаился. И то, только потому что на ночь я его ставлю в режим «идите лесом и не шумите». Разрешаю только немного повибрировать. Ну конечно, вспомни его и он тут как тут — экран вспыхивает, телефон вздрагивает и начинает ползти ко мне. Во так, ползи. Ещё чуть ближе

— Хоть бы реклама, — вздыхаю.

Жму «принять».

— Саша, ты не спишь? — в ухо влетает бодрый, противный в этот час голос Артёма. Мой партнёр по каналу и человек-уведомление: появляется всегда чуть раньше, чем хочется.

— Нет, Артём, — вяло отвечаю. — Это всё тебе снится. Я — твой ночной кошмар и уже скоро задущу тебя — спасайся.

— Нее, в кошмарах я всегда без штанов посреде торгушки, — радуется он. — Слушай, у тебя там Заводской под боком, да?

— Под левым, если быть точным, — бурчу. — Зудит уже с утра. Что случилось?

— Завод, тот самый, мы про него, как-то говорили, в Заводском, возле железки

— Да поняла я, ближе к делу.

Его голос резко становится серьёзным:

— Пацан с крыши утром улетел. Видео уже гуляет, но оно как из девяностых, снято будто на кирпич — не все пока умеют ночную съёмку нормальную делать. Ты можешь туда стонять? На тебя вся надежда. Люди уже ждут в чате. Ты же наш «участковый по городу» негласный. Разузнай, сделай заметки, статейку напиши — всё как обычно. У тебя же нюх на такое, вот и узнаешь есть там что-то для нас или просто домыслы.

Фраза «пацан с крыши» стыкуется с ночной картинкой, как пазл. Я на автомате сжимаю кружку сильнее.

— Ты у меня такой заботливый, — говорю. — Мог бы сначала спросить, жива ли я, а уже потом кидать меня в промку. Вдруг я тоже упаду и ногу подверну?

— Ты жива, раз издеваешься, — отмахивается он. — Саша, серьёзно. Менты уже там, МЧС там, народ в нашем чате воеет. Половина пишет «сам виноват, не хрен лазить», половина — «завод жрёт людей уже десятый год». Это наш кон-

тент, чувствуешь?

Я вижу. И ещё вижу, как в его голове уже складываются циферки: просмотры, донаты, рекламные интеграции. Артём никогда не притворяется альтруистом, и за это я его ценю. Иногда. Но, так как я в любом случае уже получила заказ от Луки, то сейчас торгуюсь скорее «для вида». Чтобы не думал, что меня легко уговорить.

— Отправь локацию, — говорю. — И ту фигню, что там уже наснимали. Чтобы хоть знать, к чему готовиться.

— Уже кидаю, радость моя, — он чмокает воздух, как будто я стою не на кухне, а где-нибудь под его подъездом. — Ты лучшая.

— Единственные всегда самые лучшие, — бурчу, но он уже отключился.

Не успеваю отключиться от звонка как телефон начинает пиликать: входящие сообщения, фотки, пара видео снятые, наверное, людьми с тяжёлого похмелья. На одном — кусок крыши и скорая. На другом — чьи-то всхлипы и голос: «Говорю тебе, это место проклято». Ни одной нормальной композиции, ни одной панорамы. Прекрасный полевой материал.

— Супер, — повторяю я, но тоном, который не перепутаешь с восторгом.

Тостер сообщает о готовности батона весёлым «дзынь». Я достаю эту противоречивую радость, мажу маслом, откусываю. Почему хлеб всегда с одной стороны подгорает, а с дру-

гой почти сырой? Хороший тест на оптимизм. Какую сторону нужно выбрать, чтобы быть оптимистом? С водой в стакане проще — это всего лишь вода, сколько её не налей.

Открываю чат района. Там уже всё кипит:

«Опять этот гроб. Сколько можно молчать?» «У нас там сын работает, говорит, лестницы без перил, всё гнилое» «Падан сам полез, чего вы хотите? Везде надо голову включать» «Саша, напиши уже про них по-человечески, ты же можешь. Нас же никто не слушает»

«Напиши по-человечески» — лучший бриф в моей карьере.

Хорошо. Сделаем. Но сначала — кофе.

Так выпьем кофе. Где же кружка? И утро станет веселей
Как-то так.

Так, где же всё-таки кружка? Конечно — в мойке, где же ей еще быть. Мою свою большую кружку — грамм на семьсот, с полуслезшей надписью «Лучший день — сегодня!» А ниже приписка чуть более мелким шрифтом — «Хотя, кажется, что был вчера», которая видела всё: дедлайны, истерики, ночные вылазки и попытки быть ЗОЖ.

— Так, — говорю я вслух. — Один большой, и до неприличия вкусный кофе. Для человека, который опять собирается лезть туда, куда нормальный человек не полезет.

В кружку щедро сыплю растворимый. Сегодня — стандартный, классический, хотя я люблю разные, с ароматами лесных орехов, экзотики всякой. Чайник уже подоспел, и,

открыта дверь холодильника.

Сначала кипяток, полкружки, добавляю ложку сахара — не больше. Кофе должен быть чуть сладковатым, но с заметной горчинкой. Потом молоко. Молоко — половина успеха. Обязательно холодное. Им заполняю кружку почти до краев.

— Многие скажут, что это пойло, — Отпиваю первый глоток стоя, просто проверить, всё ли на месте. — Пусть так. Но вкуснее пошла я ещё не пробовала. Разве что немного ванили бы не помешало.

Добавляю пару капель. Из остатков моего кулинарного прошлого. Точнее моей не очень удачной попытки стать домашним кондитером — не моё.

Идеально. Единственный минус — это всё очень быстро кончается. Но это поправимо. Хотя пить это стоя на кухне — кощунство. Так весь смысл пропадает.

Поэтому берусь за кружку двумя руками, как за трофей, и иду обратно на балкон.

На балконе утро уже обрело плотность: голоса, машины, птички, чей-то смех. Я устраиваюсь в любимом плетёном кресле, которое дядя где-то откопал и привёз «на пробу», а оно прижилось так, что теперь это мой трон. Под себя — плед, под локоть — маленький столик, на него — телефон. Лариса, моя домашняя голосовая ассистентка, уже перешла на тихий джаз — мягкий саксофон с клавишами на фоне. Не тот, который играет «на весь район», а такой, который только подчёркивает шум двора.

Воздух с улицы чуть прохладный, вкусный. Подношу кружку к лицу, вдыхаю — молоко, кофе, чуть карамели от сахара, тонкие нотки ванили. Первый нормальный глоток — и мир на секунду сворачивается до этих трёх вещей: вкус, кресло и двор.

Вот за такие минуты я люблю этот город. За то, что у меня есть балкон, плетёное кресло, почти литровая кружка любимого напитка, и возможность десять минут делать вид, что всё нормально.

Кофе выпивается неприлично быстро. Я смотрю на пустую кружку, вздыхаю:

— Ну, конечно. Лучшее всегда заканчивается первым.

На секунду появляется мысль: «Налить ещё?». Вторая кружка — это уже не ритуал, а злоупотребление. И если я сейчас завалюсь ещё на полчаса в кресло, лимб всё равно меня оттуда выковырнет. Только времени на сборы будет меньше.

— Ладно, старушка, — говорю себе и кружке. — Кофе, как всегда, великолепен, джаз был прекрасен, но смена сама себя не отработает.

Перевожу телефон в режим: «можно беспокоить» и, конечно, же телефон сразу оживает. Ты обновляешь сообщения только когда я беру тебя в руки? Так и до паранойи недалеко. Большой брат где-то рядом, и он всегда наблюдает.

Сообщение от Гали, моей хорошей знакомой, почти подружки из местной поликлиники:

«Саша, доброе утро. У нас опять с завода. Второй за месяц. Но, первый жив, а вот этот Если поедешь, зайди потом ко мне, покажу карту поступлений»

Отвечаю:

«Еду. Держись там. Кофейком угостишь? ;)»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.